

Сергей
Тюленев

Д
о
р
о
г
а

к н е б у

Сергей Тюленев

Дорога к небу

«Э.РА»

2013

Тюленев С.

Дорога к небу / С. Тюленев — «Э.РА», 2013

Автором задуманы и выпущены в свет четыре книги, рассказывающие о жизни Глеба Белова, Последняя книга – «Дорога к небу» – является самой сложной и в какой-то мере – мистической. События, рассказанные в этой книге, автор рассматривает под углом влияния на жизнь Божественного провидения и потусторонних сил, считая что судьба человека состоит из трудолюбия ангела, запланированных демоном испытаний, призрачной возможности быть услышанным Богом, и необычайной личной стойкости, позволяющей находить силы в самых трудных ситуациях.

© Тюленев С., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть 1	12
Часть 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Тюленев

Дорога к небу

Будьте внимательны к своим мыслям, они – начало поступков

Пролог

– *Явился! То-то чувствую, собаки завыли, а петухи замолчали!* – произнес ангел, оглядываясь на демона, шагнувшего из темноты. – *И чего тебе неймётся? Опять какую-нибудь гадость придумал?*

– *Ну, зачем же так грубо...* – Демон присел на край кровати и, как давеча в самолете, поправил спящему Глебу одеяло. – *Просто мне интересно наблюдать, как живёт этот человек. Раньше, развлекаясь, я постоянно не давал ему дойти до конца, осуществить планы и получить результат. Сначала это доставляло мне удовольствие, он мучился, искал выход, анализировал ситуации и считал, что может перехитрить меня. Однако со временем я стал ловить себя на мысли, что мне все больше и больше приходится думать, планировать и создавать. Этот умник, превратив слабость в силу, продолжает стоять на ногах как кукла-неваляшка, научившись извлекать выгоду из поражений. Сейчас он напоминает мне пловца, на закате дня удаляющегося от берега. Поднимая голову из воды, он видит полоску ускользающего света, делает вдох, понимает, что все дальше и дальше уходит в открытое море, но, все-таки опуская голову на выдохе, возвращается в темноту воды, пронизанную страхом, и упорно куда-то плывёт. Такое развитие событий мне совсем не нравится! Мне не понятны его действия и не ясна цель. И если этот человек сменил тактику своей жизни, то мне сам Бог...* – Демон задумался, улыбнулся и продолжил: – *Ну, конечно, Создатель мне этого не велел, но и абсолютно точно – не запрещал. Поэтому я решил в этот раз дать ему дойти до конца, и предоставить ту самую богатую жизнь, о которой он постоянно грезит.*

– *Я не понял, – перебил демона ангел, – тебе что, больше играть не с кем? В твоей армии темных людей нет достойных экземпляров для развлечения? И потом, однажды мы с тобой уже обсуждали нечто похожее.*

Демон улыбнулся, ему понравилось, что ангел проявляет нетерпение, и он, выждав небольшую паузу удовольствия, продолжил:

– *Даже маленькие дети, играя в песочнице своими игрушками, всегда смотрят на чужие. Что же ты хочешь от меня? Стойкость твоей «куклы» вызывает у меня непреодолимое желание дотронуться, присвоить, а, в случае отказа или невозможности поиграть, вырвать её из твоих рук и... сразу сломать.* – Демон дотронулся до ангела и, придав взгляду глубину искренности и честности, спокойным голосом подвел итог: – *Давай все сделаем правильно, я буду сидеть на одном его плече, а ты – на другом. Поверь, я стану беречь его, как собственное дитя, достану из темных глубин удачу, редкий случай и подчиню все его воле и желаниям. Опасности лишь немного коснутся его лёгким ветерком страха, и то – лишь для того, чтобы антураж нашего представления был более правдоподобным и интригующим.*

– *Нет, я против! И против уже только потому, что в веках твои слова ни разу не отразились правдой сказанного. Бог даровал тебе право творить не только зло, но и добро. Но ты – демон самого низшего, девятого чина – стараешься выслужиться перед Мамоной, усердно ищешь скользкие души, пытаешься развратить их богатством. Похоже, ты забыл, – ангел грозно посмотрел на демона и повысил тональность разговора, – что именно я выражаю волю Бога и, если ты попытаешься ослушаться меня и нанесёшь вред этому человеку, природа твоя будет рассеяна, а обратная сторона Луны станет местом твоего духа.*

– *Что ты, что ты!* – Демон поднялся с кровати и вернулся в тёмный угол. – *Я действительно хочу, чтобы этот человек, измеряющий свои знания пройденными дорогами, наконец-то получил то, к чему так упорно шёл многие годы. Поверь, мои мысли чисты и добро, – то самое добро, о котором ты говорил, – единственный предлагаемый мною дар, без всяких кривых теней и скользких поворотов.*

Ангел внимательно посмотрел на демона. Память рождала в нём недоверие и двойственные чувства. Ему не хотелось больше говорить, а тем более – чего-то доказывать, но неприятная, светящаяся на лице демона улыбка опасениями будущего царапнула его сознание, и он резким жестом указал демону на дверь.

В это же мгновение свет открыл очертания комнаты, на улице эстафетой прокатилось петушиное эхо, пришло обычное утро, положившее начало не совсем обычному дню...

Глеб проснулся, открыл глаза и обвел взглядом спальню. Все было привычно и стояло на своих местах, но странное ощущение тревоги и волнения, поднимающееся из глубины сознания, натянуло ниточку предчувствия звенящим холодом надвигающейся неизвестности. Он снова внимательно изучил взглядом каждый предмет обстановки, медленно поднялся, надел клетчатые штаны, тапочки и тихо, словно боясь спугнуть незваного гостя, стал обходить квартиру.

Открыв дверь в спальню сына, Глеб увидел привычный беспорядок. Разбросанные вещи, незаправленную кровать, гитару, обрывки и мятые листки незаконченных песенных мыслей, провода, сабвуферы и аплефаеры.

– Странно, – сказал он сам себе, поднимая с пола новую замшевую куртку. – У меня такое чувство, что ночью, сквозь сон, я слышал шорох и звуки хождения по квартире.

Повесив куртку в гардероб, Глеб прошел на кухню и, включив чайник, в раздумье застыл у открытой двери холодильника.

Неожиданно в его спальне раздался щелчок, потом заиграла музыка и нежный женский голос произнес:

– Доброе утро, сегодня двадцатое февраля, текущее время – девять часов, одна минута.

– Акико, – громко выкрикнул Глеб, – включи телевизор в зале, я готовлю себе завтрак!

Через мгновение большой плазменный телевизор вспыхнул светом, открывая изображение рисованной кукольной японки, стоящей на фоне танзанийской вершины Килиманджаро.

– Приятного аппетита, Глеб Михайлович! Вы проснулись самостоятельно?

– Да! Хожу по квартире, как неприкаянный, отчетливо помню – ночью слышал чьи-то голоса, а сына дома нет. Вот и мучаюсь над вопросом: приснилось мне это или все-таки тут кто-то был.

– Система безопасности и датчики движения ночью не срабатывали, – сложив ладони, как буддист и слегка склонив голову, ответила японка. – Савва под утро прислал вам сообщение. Включаю.

– Папа, ты опять переключил телефон на своего электронного секретаря? Ну, ты нашел себе игрушку! Скоро забуду твой голос, а Акико буду звать мамой! Ладно, звоню сказать, что домой не приеду, сегодня ночью в доме у Натали. Обнимаю. Да! Если все-таки захочешь со мной поговорить, раньше часа не звони – до утра работал над новой песней. Я выложил ее в YouTube. Захочешь послушать, попроси Акико, она знает, как войти в мой аккаунт.

Глеб улыбнулся – ему очень нравилось желание сына творить, создавать свой мир, укладывая эмоции души в строки зарифмованных мыслей.

– Питер Мулине прислал вам дополнения к программе PROGET NATAL, – японка продолжила информировать его о поступивших сообщениях. – Если хотите, я коротко познакомлю вас с основными положениями...

– Нет! – перебил ее Глеб. – Не сейчас. Пойду на балкон! Хочу сесть на диван, выпить кофе и пожалеть москвичей, утопающих в уличных реагентах и теряющих смысл жизни в автомобильных пробках.

Опустившись на горячий от солнечных лучей кожаный диван, он закрыл глаза. Звуки, жившие в окружающем его мире, проникли в сознание воробьиным шумом, хриплым лаем старого пса, рокотом газонокосилки и резкими криками соседских детей, вырвавшихся из квартир на простор двора.

Тревога, проснувшаяся вместе с ним утром, таяла, уступая место ленивой истоме. Открывать глаза, поднимать руку за чашкой кофе, думать, а тем более говорить – не хотелось. Пустота, словно музыка китайского семиструнного Цисянци, плавно текла по телу, открывая дорогу приятным воспоминаниям. Он отчетливо увидел своего внука, его хитрюжно улыбающиеся глаза, зеленую палатку, стоящую на берегу озера Гурон и скунса, спокойно роющегося в мусорных пакетах.

– Глеб Михайлович, – услышал он слабый голос Акико, – вам по Скайпу звонит Яков Шкловский, будете разговаривать?

Он вздохнул, молча поднялся, взял уже остывший, но так и не тронутый кофе, и вернулся в зал.

– Не хочется, конечно, но что поделаешь, соединяй...

Японка поклонилась, и на экране телевизора появился его старый товарищ, давно живший на Кипре.

– Не разбудил? – Голос того был взволнован и для утра звучал несколько резковато. – Представляешь, сегодня утром в Санкт-Петербурге арестован мой шеф. В доме был проведён обыск, все документы, ценности изъяты, а его самого увезли в Москву.

– Не понял! – Глеб сел в кресло напротив телевизора и не без усилия заставил сознание понять смысл услышанных слов.

– Думаю, в этой ситуации мне нужно сворачиваться и возвращаться в Москву.

– О ком ты говоришь? Какой арест? Что за паника!

– Повторяю: председателя совета директоров нашего холдинга арестовала ФСБ.

– Как это? Ты же говорил, что у него связи, все схвачено, крепость тылов стопроцентная! – Глеб не скрывал удивления.

– Сам не пойму... Но, если он из тюрьмы в ближайшие дни не вырвется, «верные» друзья и чиновники растащат его компании на кусочки, а на развалинах банков и фабрик станцуют джигу, радуясь пополнению своих личных счетов. И, поэтому, сегодня рано утром, как только открыл глаза, меня словно чёрт в ребро толкнул. Представляешь, вспомнил о тебе! Может, возьмешься и вывезешь шефа из России в Стамбул?..

– Я! – Глеб от неожиданности подавился одной буквой и нервно прокашлялся.

– Ты что, Яша! Игры со спецслужбами и государственной машиной правосудия очень опасное и неблагодарное занятие.

– Глеб, не крути! На Кипре все знают, что ты из Африки не вылезашь, в намибийской тюрьме сидел, в Ливан завтракать летал, даже когда Израиль Хесболлу ракетами бомбил... – Он сделал паузу, глубоко вздохнул и продолжил: – У меня других знакомых с такой автобиографией и репутацией нет. Возьмись, помоги хорошему человеку!

В комнате повисла тишина, мысленно Глеб уже сказал себе категорическое «нет» и сейчас подбирал нужные слова для вежливого отказа.

– И потом, – продолжил Яков, – если ты вытащишь банкира, то войдешь в круг его доверенных лиц. Я точно знаю, что, находясь за границей, ему понадобятся надежные и проверенные люди. Деньги лишними не бывают, подумай и соглашайся.

Несколько секунд молчания по-разному наполняли их мысли, но Яков, чьё беспокойство и опасения достигли состояния, когда речь и желание сказать что-то важное заставили потерять рассудительность, сбивчиво продолжил:

– Я отключаюсь, а то у моей молодой жены от этих событий мигрень так нервы раскочаляла, что приходится под предлогом выгула детей держаться от неё подальше. Кричит! Впервые замечает мои разбросанные носки, чувствует, когда я забываю освежить подмышки, и постоянно напоминает о моей ответственности за детей. Странно, но страх лишить её богатого антуража жизни пугает меня больше, чем собственное разорение. Представляешь, в голову лезут мысли о том, что бывшая жена в этой ситуации понимала бы меня больше. Поэтому давай, соглашайся, а то чувствую – по жизни с сумой мне придется брести одному.

Секунда, и изображение взволнованного лица Якова исчезло, и на экране появилась японка.

Глеб посмотрел на чашку остывающего кофе, на Акико, склонившую голову в молчаливой покорности, несколько раз задумчиво провёл ладонью по колючему подбородку, поднялся и снова пошёл на балкон. За то время, что он разговаривал, на диван шагнула тень, даря обивке прохладу. Солнце, поднявшись, спряталось за козырек крыши, позволяя легкому ветерку принести приятную свежесть, дымка, скрывающая горы на горизонте, исчезла, открывая его взору главную вершину Кипра, гору «Олимп».

– Вытащить из тюрьмы! – стал рассуждать он вслух, наслаждаясь видами открывшихся гор. – Снова рисковать, убегать и догонять; снова пробовать вкус страха, слышать стук пробитого адреналином сердца, испытать утраты и разочарования. Видеть крылья самолетов, пересекающие облака, слышать запах общественных туалетов, спать в чужих кроватях, есть из пластиковых тарелок и пить водку, заглушая усталость алкоголем. Нет, Яша, я только-только успокоился, и в моих мыслях появилась доброта.

Каждое утро я хожу по дорожке сада, делаю гимнастику и наслаждаюсь миром, живущим в моем сознании.

Он сел на диван и закрыл глаза, разрешая утреннему настроению снова услышать нотки так сладко звучащей в нем всего несколько минут назад китайской Цисанци.

Но сознание, продавив песок чёткими следами произнесённых Яковым слов, пошло гулять по мыслям аргументами в пользу перспективы сладкой жизни с деньгами, платиновыми банковскими карточками и домиком с видом на лазурное море и уходящее в него на закате солнце.

– Паршивец! – произнес он, открывая глаза. – Зацепил всё-таки! Спокойствие как ветром сдуло! Вот так всегда бывает – чьи-то демоны рикошетом отлетают в мою жизнь, заставляя снова стоять у перекрёстка раздумий. Акико, – возвращаясь в зал, обратился к японке Глеб, понимая, что время принятия решений уже начало свой отсчёт, – соедини меня с Николаем Ивановичем.

– Ой, не к добру! – Услышал он скрипящий голос своего старого друга – генерала военной разведки на пенсии.

– Иваныч, мне срочно нужна информация! Фразы о том, что заботы о бетонном заводе в Белоруссии отнимают у тебя все силы и время не пройдут.

– Ой, ещё хуже! Если ты, не спрашивая о моём здоровье, сразу напоминаешь о «Версальских кружевах», значит, хочешь повесить на меня, старика, что-то очень большое и отказа не приемлешь...

– Точно так! – по-военному четко, а главное – так, как любил генерал, продолжил Глеб. – В Санкт-Петербурге арестован некий олигарх, золотая виза его банка лежит в твоём портмоне. Догадываешься, кого я имею ввиду?..

– Конечно. Но можешь не шифроваться, весь интернет забит подробностями его задержания. Дело вырисовывается очень привлекательное. Я из своего кабинета слышу, как при-

чмокивают и слипаются губки заинтересованных в его аресте людей. Если надумал поучаствовать и звонишь спросить у меня совета, то я в команде и всеми своими ресурсами готов оказать содействие.

– О, как! Если честно, я весь в сомнениях. Боюсь, не потяну...

– Да, ладно! – перебил его генерал. – Не прибеждайся. Лучше садись на телефон и начинай собирать свою «банду». А то эти балбесы всякой ерундой от безделья страдают. Алексей со стакана не слазит, а Михаила семейные дела двуручной пилой пилят.

– Ты и правда считаешь, что мы можем справиться?

– Боже, да о чём ты говоришь! – Старик крикнул от удовольствия; чувство, что он снова возвращается в мир интриг, трепетом побежало по его нервам, даря лицу улыбку, а телу бодрость. – Мы же не будем противопоставлять себя силовикам! Я разработаю план мероприятий, потом созвонюсь с ФСБ и получу разрешение на его осуществление.

– Хочешь сказать, что сможешь согласовать наши действия с федералами? – Неожиданный оборот дела заставил Глеба выпрямить спину и почувствовать как волнение, поднимаясь по шее, прижало горло.

– Да! В моей голове, уже строятся «полки» и развеваются знамёна! Подумай, именно сейчас, в эту минуту, мы с тобой поднимаем занавес и открываем дорогу новому «спектаклю»! Пройдёт немного времени, и сотни пока еще ничего не подозревающих людей будут жить, дышать, разговаривать и делать так, как мы задумали и решили. – Произнося эти слова, генерал почувствовал, как предвкушением начала застучало его сердце, в глазах появились слёзы радости и собственной гордости, – он жил, мог, а его опыт был нужен и незаменим. – Глебушка, – стал говорить он доверительно и ласково, – завтра покупай билет на самолёт и вылетай ко мне. Знаешь, в прошлые выходные в Москве шёл дождь, я не поехал на дачу, сидел в кресле качалке на балконе и думал, что скоро, очень скоро болячки победят меня окончательно, и я останусь один на один с последними днями моей жизни... Но сегодня все по-другому! Твой звонок стёр меланхолию и вернул радость скучным стариковским вечерам. Поэтому давай будем прощаться, сегодняшнюю норму адреналина я уже получил, а варенье, которое ты сейчас хочешь намазать на бутерброд лести перед тем, как выключить телефон, припаси для других. Обнимаю тебя и очень жду.

Глеб, который почувствовал настроение генерала, действительно собирался сказать несколько тёплых слов поддержки, но, услышав гудки отсоединившегося от связи телефона, сначала ухмыльнулся, а потом ощутил, как тепло слов старого разведчика потекло по его сознанию потоками живущей между ними правды.

Тишина комнаты, легкое колыхание шторы, прикрывающей выход на балкон, чашка нетронутого кофе, которое он всё утро носил по квартире, эмоции разговоров, мысли, стреляющие вопросами в разные стороны сознания, родили в его голове неожиданное, но чётко соответствующее его духу действие.

Глеб прошёл в свой рабочий кабинет, открыл копилку, достал оттуда три одинаковых монеты и, положив перед собой чистый лист бумаги с авторучкой, громко, в интонациях театрального представления, произнёс:

– Интересно, что по этому поводу думают великие духи китайской книги Перемен И-Цзин? – Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул, закрыл глаза и, задержав дыхание, успокоил сердце, настраивая себя на гадание. – Поехали, – произнёс он тихо, зажимая деньги в кулаке.

Шесть раз звон ударяющихся о столешницу монет заполнял кабинет, шесть раз он брал ручку и чертил линии: прерывистую, если главенствовали решки, и сплошную, обозначающую победу орлов.

Закончив, он поблагодарил провидение за предоставленную возможность выбирать, и открыл всегда лежащую на его столе книгу Перемен.

– Вот моя комбинация, первых три линии прерывистых, потом две сплошных, и последняя – снова разорвана.

Двигаясь пальцем по странице, он опустил до номера «46», где было приведено описание именно таких сочетаний, как у него.

– Внутренняя энергия Шен, являясь более тонкой и чистой, – стал он читать толкование знаков, – по сравнению с другими энергиями человека поможет найти силы в самый последний момент предстоящих испытаний. Изначально можно говорить о том, что всё задуманное получится. Юг будет стороной успеха, а встреча с «Великим» благоприятно скажется на вашей дальнейшей судьбе. Начинайте, и результат не заставит себя ждать.

Он отложил книгу в сторону. Слова «всё задуманное получится» вычеркнули остатки его утреннего спокойствия осознанным пониманием надвигающихся событий.

Неожиданно, словно включившейся в ночи фонарь, его память осветила картинки потерянного при пробуждении ото сна.

– Дом, – произнёс он, теребя верхнюю губу, – бассейн, беседка, дорожка, идущая от крыльца прямо к морю, яхта, стоящая у пирса, а потом – степь, красные тюльпаны, ветер, поднимающий серебристые волны шелковистого ковыля и птицы, парящие высоко в небе. Красивые женские руки, тонкие пальцы, держащие фужер красного вина, разговор тихий, доверительный, домашний. Алмазы... – Произнеся это слово, он замолчал. Последние пятнадцать лет Глеб, несмотря на потери и поражение, упрямо шёл к своей цели – найти единственный и неповторимый кристалл сказочного, фантазийного цвета. – Алмазы, – повторил он снова с гримасой удивления на лице, – коричневые, серые, словом – никакие, и вдруг – раз, свет, разряд! И они – белые, розовые и голубые... Каша какая-то, обрывки мыслей, воплощённые в сновидения, не более того, – стал уговаривать он себя, пытаясь принести в сознание хотя бы росточки понимания происходящего, чувствуя, как подошедшая к лицу кровь окрасила его щёки румянцем волнения.

Неожиданно откуда-то из области печени выпрыгнула мысль о холодной рюмке водки, малосольном огурчике и корочке черного хлеба. Глеб удовлетворенно с силой потер ладони и, подойдя к холодильнику, достал из морозильника двухсотграммовую бутылочку зевании, местной виноградной водки.

Он не пил крепких напитков уже несколько дней, во-первых, потому, что боялся увлечься собственным настроением, во-вторых, было не с кем, а в-третьих, и это было главным, жил без потрясений, страха, преследований, интриг и любовных переживаний.

Холод водки обжёг ему горло, но удовольствие раствориться в предвкушении начала подхватило его, и он спокойно, как воду, допил всё до конца. Секунды пошли медленнее, а тепло, распространяющееся по телу, – быстрее; казалось, алкоголь прошёл не только через стенки сосудов, но и открыл мыслям координаты четырёхмерного пространства.

– Неужели провидение снова даёт шанс! Неужели мне наконец-то удастся решить самый главный вопрос...

«ОН!» – издалека услышал его слова демон и мгновенно оказался рядом. – *Интересно послушать!* – произнося это, он снова подтолкнул Глеба к холодильнику.

– ...Получить столько денег, чтобы хватило оплатить учёбу и купить дома детям, найти нормальную женщину и построить в горах дом с видом... – Глеб осекся – дурацкий язык делил шкуру неубитого медведя, а строчки известной сказки напомнили ему о разбитом корыте.

– *Вот!* – крикнул Демон. – *Тебе, как и всем, нужны деньги! Давай...* – Он помог Глебу открыть холодильник и вылить в стакан следующую бутылку. – *Прекращай прислушиваться к лепету ангела, начинай обманывать, предавать, лукавить, и ты увидишь, как богатства потекут к тебе, словно взбунтовавшиеся во время половодья реки. Опыт, набранный преодолением страха в горящих самолётах, тюрьмах и автомобильных авариях, будет тебе незамеченным помощником и позволит очень быстро достичь желаемого.*

Глеб поднял стакан и, раздумывая, посмотрел на него. Холод водки побежал ином по стеклу, отдавая пальцем прохладу.

– *Ну же! Не мешкай! Ты уже много раз нарушал данные тобою обещания, устраивал красивую жизнь женщинам за чужие, не тобой заработанные деньги. Собирал под знамёна своих идей бизнес-партнёров, но, проигрывая, никогда не разделял с ними убытки. Пей, и двери моего величия распахнутся перед тобой, открывая дорогу случаю и удаче!*

Глеб посмотрел по сторонам, неожиданно сделал несколько шагов в сторону мишени для игры в дартс, достал оттуда дротик и, отступив на пять шагов, метнул его точно в десятку.

– Е-моё, – произнёс он многозначительно, – бывает же такое!

Он снова посмотрел на рюмку, снова метнул дротик точно в центр, перевёл взгляд на горы за окном, крикнул от пришедшего к нему удовольствия и... влил в себя водку.

– *Ой!!* – растаяв в улыбке, иронично продолжил демон. – *Совсем забыл предупредить тебя, что в моей мышеловке сыр тоже стоит...* – Он задумался, посмотрел по сторонам, убедился, что ангел его не слышит и тихо прошептал: – *Пожалуй, цену я назначу чуть позже... А пока – наслаждайся предчувствием идущих на тебя перемен...*

Часть 1

Ключи от воспоминаний

Лето устало, солнечные лучи обшаривали траву в поисках зеленого цвета, насекомые молчали, смог от пожаров мучал москвичей мыслями о море и лесной прохладе.

Глеб, гонимый желанием скорее воплотить в жизнь план старого генерала, собрал в номере Подмосковного оздоровительном комплекса «Ватутинки» старых друзей и уже целый час, подбирая слова, уговаривал их сойти с ума, прыгнув в омут государственных интриг.

– ...Следующая наша задача – вывоз опального олигарха из России. Все мероприятия по этому делу согласованы с ФСБ и пройдут при полном их участии и поддержке. Однако хочу сказать, что возможны любые сюрпризы, поэтому самым главным нашим достоинством должна быть импровизация и способность быстро улавливать нюансы, делая их нашими союзниками. Ещё раз обращаю внимание на то, что операция строго секретная, в её проведение не посвящены следственные органы полиции и прокуратуры. Поэтому для всех силовиков мы можем запросто стать участниками преступного сообщества и организаторами побега человека, которого сразу после исчезновения объявят в федеральный розыск. – Глеб сделал паузу, обвёл присутствующих взглядом и продолжил: – Если всё понятно и вопросов на сегодня больше нет, дуйте по домам, падайте в ноги жёнам и старательно вымаливайте разрешение на своё длительное отсутствие в семье.

Алексей, его старый товарищ и охранник, прошедший с ним алмазные войны в Африке, развалившись на диване, странно крикнул, громко хлопнул в ладоши и немного резковато, противореча предыдущему тону разговора, произнёс:

– А больше не у кого индульгенцию получать! Нет моей Манечки. Была красавица, да вся сплыла! Так сказать, без остатка растворилась в красивой жизни и «медных трубах»...

– Что? – Глеб внимательно посмотрел на Алексея, стараясь уловить в выражении его лица серьёзность, подтверждающую сказанное.

– Да всё то же! Война и немцы...

– Отлично!! – поднимаясь с кресла, произнёс Михаил, получивший после участия в операции «Версальские кружева» прозвище «Ворток». – Мне тоже отпрашиваться не нужно. Вера устроила скандал! Считает, что у меня есть любовница и больше терпеть мои отъезды не собирается. Уже неделя, как я живу на съёмной квартире, а она даже и не звонит...

– Мужики, да вы что, совсем охренели?! – Глеб от удивления выругался: – Б....!! Да как это может быть?! Лешка, у тебя два отличных пацана, спортсмены, ты в Манечке души не чаял... Что произошло? Мишка!! А у тебя что стряслось? Вера была эталоном терпения и понимания!

В комнате повисла тишина. Обменявшись немymi взглядами, они, опустив головы, думали каждый о своём. Эти вопросы они уже задавали себе, но не могли в своих мыслях и рассуждениях даже близко подойти к ответу.

Первым нарушил молчание Алексей. Умение находить шутку в трудной ситуации было его достоинством, и поэтому, состроив хитрую гримасу, он, театрально выкинув в сторону Глеба правую руку, произнёс:

– Михалыч, но твоё-то солнце, Виктория батьковна, слава Создателю, вернулось к тебе, и мы... – Он скрестил руки на груди и продолжил: – Будем думать и надеяться, что наши непутёвые жёны уразумеют смысл жизни и кинутся умолять принять их обратно, как поступила твоя многоопытная супружница, пожив годик самостоятельно.

– Размечтались, – тихо произнёс Глеб, – у меня снова революция. Виктория, получив остатки не забранного в первый свой уход имущества, наконец-то определила, где живет её счастье и бодро ушла ему навстречу.

Алексей, присвистнув, вскочил с дивана, словно ужаленный завертелся на месте и стал сильно, в голос смеяться, заражая присутствующих улыбкой.

– Вот это да, вот это, скажу я вам, компот получается! Что удумали бабы? Целый заговор! Все разбежались! Бывает же такое! Так мы, оказывается, братья не только по оружию! Интересно, очень интересно, что у них в голове сломалось. Мне Маня заявила, что память у неё короткая, квартира, «Мерседес» – мой любимый «стосорокетник», отели, моря и океаны – всё теперь в прошлом. Говорит, пью много, а зарабатываю мало.

– А Вера, – перебил его Михаил, – написала мне по электронке, что я плохой человек, кидаю на деньги коммерсантов, использую свой боевой опыт в целях наживы... – Выждав паузу, он тяжело вздохнул и продолжил: – В общем, её совесть мучается, глядя на мою жизнь. А ещё, как назло, Марго из головы не выходит... Братцы, верите, случайно за завтраком с языка имя её сорвалось, так потом сколько ни заплетал тень за плетень в своё оправдание, ничего не получилось.

При этих словах Глеб и Алексей как по команде повернули к нему головы.

– Надеюсь, ты не рассказал жене о «Версальских кружевах»? – Глеб взглянул на товарища, пытаясь в выражении его лица найти правду.

– Немного, самую малость. Как-то нужно было объяснять, откуда появились деньги и почему я отсутствовал полгода.

– И что твою Веру не устроило? – Алексей стал хлопать дверцами шкафов бара, раскрывать полиэтиленовые пакеты с продуктами в поисках принесённого ими спиртного. – Моя Манечка, если я домой деньги приносил, никогда не спрашивала, где взял! Наоборот, постоянно твердила, что её не интересует, как я их заработаю, а потом вообще помешалась – тряпки, машины, отдых и большие суммы денег стали единственной темой наших разговоров. И кстати... – Он оглянулся и посмотрел на Глеба. – Это твоя Виктория промыла мозги моей вертихвостке рассказами о красивой жизни! А сейчас ещё хуже – я узнал, что... – Алексей запнулся, лицо его стало серьёзным, желваки на скулах заходили ходуном. – ...Меня помешали на кошелёк в пиджаке. Демонстративно! Так, чтобы все видели и знали – она с каким-то фраером из дешёвых блатных катается по выходным на водохранилище, «рыбку ловить»! – При этих словах эмаль его зубов хрустнула, скалываясь на резцах. – Хотел поехать, башку ему отбить, сукиному коту! А потом подумал – зачем это всё?... – Алексей наконец-то нашёл в морозильнике бутылку, открыл её и, наполнив рюмки, поднял свою в воздух. – Знаете, братцы, если тётка сама, первая делает шаг, чтобы разрушить свою семью, бегают, как сучка во время течки с мыслями, кому бы подороже дать или как Вера – обвиняет постоянно рискующего в поисках заработка Мишку в непорядочности, то пошли они все... к чёртовой матери, курицы безмозглые!!

– Нет, подожди, – остановил его Глеб, – куда погнал! Ну, взбрыкнули немного, ну, глупость свою продемонстрировали, так на то они и женщины. Поищите у себя немного терпения и всё снова наладится. На своём примере знаю, чего стоит слова и поступки жены. Когда Виктория ушла от меня во второй раз, говорила, что знать меня не хочет, и ни с кем наше расставание обсуждать не желает. Но, как только у меня появилась подруга... – При этих словах Алексей улыбнулся и подмигнул Глебу. – Её мнение тут же изменилась, я снова стал хорошим мужем, замечательным отцом и, оказывается, любили меня все двадцать пять лет совместной жизни.

Присутствующие обменялись взглядами, состроили недовольные гримасы, переваривая в голове слова Глеба, и потянули рюмки навстречу друг другу.

Рюмки лязгнули сиплым звуком столкнувшегося стекла и понесли обжигающую прохладу по назначению.

– Эх, хорошо пошла, огненная водица! – Алексей почесал затылок и посмотрел на товарищей в поисках поддержки мыслей о повторении.

– Не суетись, – быстроотреагировал на его рыскающие глаза Михаил, – напиться всегда успеем. Лучше скажите мне: как это один каприз или дурная мысль может толкнуть женщин разрушать то, что они сами годами создавали и берегли?

– Ну, Ворток, – рассмеялся Глеб, – ты и копнул тему – ни глубины, ни краев не увидим! Если хотите, у меня в памяти отпечаталась одна старинная притча, но её содержание, скорее, разрушает, нежели объясняет сущность их поступков...

Присутствующие кивнули головами в знак согласия, а Алексей снова наполнил рюмки.

– Пришло время, и перед Богом предстала женщина. Стоит она вся в белом, лицо чистое, открытое, глаза светятся добрым светом... – начал свой рассказ Глеб. – «Так, – говорит создатель, – перед тобой две двери: одна в Рай, другая в Ад. Подумай: как прожила ты свою жизнь и – иди». Но, не успел он закончить свое предложение, как женщина шагнула к дверям Рая. «Стой! Почему ты сразу направилась в Рай, разве в твоей жизни не было ошибок, разве тебе не в чем каяться?» – «Я всю жизнь трудилась, зарабатывала деньги, воспитывала детей, никого не предавала и была хорошим человеком...» – «Подожди, – перебил её Бог, – А что, работала только ты одна? Миллионы и миллионы людей рано утром встают из своих тёплых постелей с единственной мыслью: заработать деньги и принести их в семью». – «Я была честной, у меня нет долгов!» – с улыбкой осознания собственной правоты произнесла женщина. Бог насупил брови – он не любил когда его перебивали. «Долгов...» – повторил он за женщиной. – Ну, тогда ответь мне на следующие вопросы: умерли твои родители; ты не ухаживала за ними, когда они болели, и не нашла времени проститься с ними, когда они покидали мир. У тебя был муж; ты перед людьми клялась делить с ним радость и горе, но, как только его заработок перестал соответствовать твоим желаниям, ты ушла к другому мужчине, даже не оглянувшись. Ты родила детей, но постоянно жила с чувством усталости от них; с трудом выполняла свои обязанности, а, как только они подросли, перестала помогать им, заявив, что материнский долг ты выполнила. У тебя есть внуки; в последний раз ты видела их два года назад, открытки к дням их рождения – единственное тепло, которое ты смогла найти и подарить им. Исходя из этого, я считаю, что ты не вернула долг своего рождения родителям, очень быстро отказалась от долга воспитания ещё не вставших на ноги детей, нарушила клятву, данную мужу, и сразу отказалась от обязанностей перед внуками. Поэтому я хочу, чтобы ты снова подумала, а потом выбрала – в какую дверь тебе нужно входить». Женщина опять улыбнулась, её лицо продолжало хранить чистоту и искренность, она посмотрела на двери и, ни секунды не колеблясь, опять шагнула в сторону Рая...

Глеб замолчал. Парни смотрели на него; суровость, вызванная несправедливостью рассказанного, сделала их взгляды злыми и тяжёлыми.

– И что было дальше? – нарушил молчание Михаил. – Неужели Бог разрешил этой пустышке войти в Рай?..

Глеб поднял рюмку и, выдержав небольшую паузу для усиления значимости произносимых слов, продолжил:

– Эта женщина всю жизнь слушала только собственный голос, и Бог понял: ему не удалось коснуться её сознания правдой, не удалось достучаться до сожалений и признаний собственных ошибок, и он разрешил ей войти в Рай, потому что знал – там живёт любовь, и каждая душа имеет свою пару.

– То есть, ты хочешь сказать, – задумчиво произнёс Михаил, – что, предоставив ей Рай, Бог тем самым обрёк её душу на вечные муки одиночества?

– Да, парни, получается именно так. Наши жены думают, что идут вперёд, тратят силы на своё благополучие, создавая собственный «Рай», а, получив его, в конце концов ощутят пустоту. Пусть у них будет всё: квартиры, дачи, «Мерседесы» с прозрачными крышами, новые и такие же наивные мужья, но им будет не дано сидеть за большим семейным столом, они никогда не ответят на вопрос о смысле своей жизни. Парни, я пережил два брака... – Михаил и Алексей улыбнулись и лукаво подмигнули друг другу. – О любовницах и случайных связях не говорю, – понимая кривляние друзей, тут же поправился Глеб. – Поэтому могу сказать так: когда между мужчиной и женщиной есть любовь, проблемы придают отношениям силу, а, как только это чувство уходит, жизнь становится дорогой компромиссов, ожиданий и пустых иллюзий...

Глеб подошёл к окну и поставил на подоконник полную рюмку водки. Пить больше не хотелось, его настроение неожиданно заскрипело осознанием слова «пережил».

«Зачем, я говорю им все это? – продолжили разговор его мысли. – Чему хочу научить, от чего уберечь?.. Женщины – люди с другой планеты. Шастают между звезд, когда хотят – ныряют в собственные оправдания и легко приспосабливаются к любому мужчине, способному материализовать их мысли в реальность. Они никогда не проигрывают, обращая периодически наваливающееся на память сожаление в легкий приступ меланхолии. Уговорить ушедших жён вернуться... Бред какой-то! Разве мне самому это помогло? Разве не обернулось моё терпение и ожидание понимания в насмешку над наивностью или даже глупостью произносимых мной слов?.. Нет, нужно всё сделать строго наоборот. Признать себя плохими мужьями, сломать остатки поломанного, поднять знамёна и – всё начать с самого начала».

Глеб оглянулся и посмотрел на ребят.

Те молчали – каждый думал о своем, складывая в памяти счастливые дни и вычитая месяцы пустоты.

Ночь опустилась на город, в домах загорелись окна, открывая суету чужой жизни прозрачностью стекла. Осень сделала сумерки тёмными, сжимая свет уличных фонарей в маленькие колечки падающего вниз света. Ветер, подталкивая одиноких прохожих, скрипел оцинкованными карнизами и посвистывал, ускоряясь в водосточных трубах.

– Ворток, а что, Марго тебе больше не пишет? – неожиданно для себя спросил Глеб.

– Недавно получил от неё очень хорошее сообщение, но оно прощальное. – Михаил тоже отставил свою рюмку. – После того, как ушла Вера, вспоминаю её почти каждый день, и не могу себе объяснить – почему. Знаю, плохого в ней больше, она часто обманывала меня, даже предавала, но злости и обиды нет. Что-то между нами было такое светлое, личное и тёплое, перечёркивающее всё, что мы натворили.

– Так чего же ты? – оживился охранник. – Позвонил бы, поговорил. Глядишь, и сошлись бы снова.

– Нет, ребята! Ветка отрублена, слеза вытекла, упала и высохла.

Глеб оглянулся и посмотрел на Михаила. Чувство вины, что именно он сначала подтолкнул его к Марго, а потом, подбирая обстоятельства таким образом, чтобы наиболее ярко высветить её пороки, разрушил хотя и призрачный, но всё-таки – мир их отношений, пронзило его.

– Глеб, а у тебя, помнится, «Птичка» была... – Игривое настроение стало возвращаться к Алексею, желанием поболтать о любовницах друзей.

– Ого, что вспомнил!

– Ну, так расколись уже! Поведай товарищам о своей таинственной подружке! Знаешь... – Алексей оглянулся на Михаила и, прищёлкнув от удовольствия языком, продолжил: – Он даже из-за неё сбрил свои колхозные пшеничные усы.

– Лёшка, иди к чёрту! Её ж нет давно; считай, это была мимолётная страсть.

– Что?! Ворток! – Он дёрнул Михаила за рукав. – Ты посмотри на этого ловеласа! Мимолётная! Страсть!!

– Ладно, ладно, – видя, как оживился охранник, быстро произнёс Глеб, – не смакуй, всё равно ничего не получилось. А сейчас я вообще склонен думать, что у нас изначально не было никакого шанса быть вместе. Мы начали с обмана, жили, обрстая ложью, и расстались плохо.

– Везёт вам, мужики! – перебил всех Алексей. В голосе промелькнули печальные интонации. – У вас были любимые женщины, ваши нервы трещали по швам от предвкушения встречи, вас мучала страсть, а я – в лучшем случае – мог позволить себе снять девку в ночном клубе... Завидую! В вашем сексе есть чувства, трепет желания, а мои платные тёлки без алкоголя не воспринимаются. Бахну пару стаканов водки, поверчу, покручу их задницы, чтобы рожи их пустые не видеть, а утром – похмелье тяжёлое и чувство такое гадкое, словно я предал всех. Сейчас я уже не психую, привык по утрам себя прощать, а главное – совсем не слышу голоса совести. Правильная жизнь с ее семейными заботами, субботними походами по магазинам, обязательным посещением тёщи и плановым воскресным сексом растаяла, как сигаретный дым, оставив лишь горечь во рту... Понимаете, я почему-то вбил себе в голову, что между мной и Манечкой не должно быть слов. Я считал, что это на подсознании, и поэтому ждал и надеялся, что она сама подойдет, удержит от падения, выльет водку в раковину или просто посидит рядом. Но – ничего нет. Мои фантазии умирали, только родившись, а она так явно жила для себя, что, испепелив остатки моей памяти, заменила в моём сознании любовь на ненависть...

Глеб посмотрел на Алексея и отчётливо понял, что это состояние он пережил, когда ветер перемен, принесённый улыбкой Пеликена, стоящего в его серванте между рюмок и тарелок, толкнул его тем далеким утром сделать зарядку и почувствовать в себе силы начать всё сначала. Он вздохнул.

– Да пошли они на хрен!! – неожиданно резко и громко выкрикнул охранник. – Сколько можно о них говорить и думать! Не помню, где, но я слышал одно восточное выражение: бесполезно показывать кошке золото, и бесполезно женщине показывать кошку. Пусть живут, как хотят. Лично мне все надоело аж по самые гланды. Завтра пойду в ЗАГС и подам заявление на развод. Я из-за неё столько дров в жизни наломал, а она...

– Не надо, Лёш, не заводись, – перебил товарища Михаил. – Ничего уже не изменить, мы всегда будем дураками, считающими, что нас можно любить просто потому, что мы есть. Наши принцессы, в поисках лучшей жизни, даже если и найдут себе других мужиков, то через какое-то время станут обменивать своё терпение на кошелёк, топя редкие крики души в шопингах, массажах и прочей яркой мишуре. И, если именно это они называют счастьем, то пусть именно такого счастья у них будет очень много. И на этой ноте давайте заканчивать – время уже позднее, а я ещё не задал вопроса, который весь вечер крутится у меня на языке... Скажи, Глеб: кто будет оплачивать расходы по перевозке олигарха, и что будет причитаться лично нам?

– Ничего себе – спросил! Похоже, ты не очень внимательно слушал и мне опять придётся многое повторить. Да вот, только, после такого напряжённого разговора войдёт ли это в ваши головы?..

– Войдёт, – уверенно произнёс Михаил, оглядываясь на кивающего в знак согласия Алексея.

– Мне стало известно, – снова начал говорить Глеб, как только ощутил на лицах товарищей внимание и сосредоточенность, – что в Санкт-Петербурге арестован очень влиятельный человек, руководитель нескольких банков, заводов и прочих крупных компаний. Арестовало его специальное подразделение ФСБ, в настоящее время он содержится в Бутырской тюрьме. Вытащить его оттуда под подписку о невыезде хотят его жена и партнёр по бизнесу. Наш бывший генерал вышел на людей, от которых зависит принятие решения: сидеть банкиру дальше или можно и по улице под присмотром ходить. Им разработан план нашего внедрения в ближайшее окружение олигарха, и первый этап этой операции называется «Босфор». Деньги мы

зарабатываем сами, а на старте всё финансирует Николай Иванович, заслуженный пенсионер щита и меча России.

– М-да... – нагружая каждую букву сарказмом, произнёс Алексей, – если раньше мы были просто авантюристами, то теперь становимся контрабандистами живого товара.

– Подождите! – Михаил, как ученик поднял руку. – Вот это... что ты раньше говорил – по поводу министра, следователей СКП, парламентских партий... вот это всё каким боком подходит к нашему делу?..

– Сегодня, как ни крути, они все – наши противники. Министр, упрятавший банкира в тюрьму, сразу после побега олигарха бросится ловить его всеми дозволенными и недозволенными методами. Получив своё кресло при поддержке банкира, он никогда не допустит, чтобы эта информация попала в чужие руки. И, если у следователей СКП появится хотя бы маленький намёк на нашу причастность к побегу банкира, сушите вёсла и готовьте сухари, потому что погонят нас по полям и лесам, как зайчиков-попрыгайчиков.

– Ни фига себе перспектива! – Лицо Михаила сделалось серьёзным.

– Спокойно, парни! Во-первых, нам нечего терять! Как выяснилось, жён у нас нет, а, зная их нравы – и совместно нажитого имущества тоже. Во-вторых, методы, которыми мы будем пользоваться, мягко говоря, незаконные, а это значит, что у нас равные с Министром шансы. В-третьих, и в случае победы, и в случае поражения о нашей троице знают два человека – руководитель федеральной службы и наш бравый генерал, связи и возможности которого вам хорошо известны. Для всех остальных мы – частные лица, пилигримы пыльных дорог, искатели приключений на свою голову и просто неудачники, гоняющиеся за лёгкими деньгами.

– Братцы! Давайте ещё по маленькой пропустим. – Охранник поднялся и пошёл к одиноко стоящей на столе бутылке водки. – А то уж больно день сегодня нервный получился... Ударим, так сказать, посошком по идущим на нас проблемам, а звоном стаканов отпугнём неудачи и сидящих за нашим столом чертей.

– Миш, тебе не кажется, что Алексей с возрастом становится сентиментальным и болтливым?.. Я бы даже сказал – поэтически лиричным.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Наполненные стаканы опять встретились и перенаправили настроение друзей в русло крепких мужских рукопожатий, весёлых разговоров и анекдотов, где уже не было места женщинам, воспоминаниям и поискам виноватых.

Поздно за полночь, проводив товарищей до дверей лифта, Глеб, словно машина, набравшая обороты, уже не мог остановиться. Лёгкая, нервная дрожь, пришедшая к нему с пониманием начала нового дела, отгоняла сон. Поэтому, вернувшись в номер, он, не раздумывая, прошёл в зал и, сев за стол, включил компьютер.

Папка с файлом «40» хранила всю информацию. Он читал её десятки раз, делал наброски мероприятий и чувствовал, что, постигая ход мыслей арестованного олигарха, всё больше и больше импонировал ему.

Отсидев почти год в следственном изоляторе, олигарх не раскололся перед опытными следователями, сохранил тайну иностранных компаний, выдержал болезни, явное нежелание тюремных врачей лечить его, умудрился создать команду из адвокатов и упорно добивался своего освобождения до суда.

Переведя взгляд с монитора на стоящую на столе фигурку толстуна Будды, восседающего на горе денег в окружении лягушек и экзотических плодов, Глеб улыбнулся; весёлая мысль подтолкнула его переименовать файл и он, удалив цифру «40», написал «Ленинградский Будда».

Ветер за окном ударил по стеклу косыми полосками дождя, начавшийся ливень и упоминание о Ленинграде – а именно так в своей памяти Глеб продолжал называть Санкт-Петербург – переключили его сознание и он, выдвинув ящик письменного стола, достал оттуда СД-диск.

Устанавливая его в лифт компьютера, он сразу почувствовал, как быстрее побежало его сердце, а лёгкое напряжение прижало горло нарастающим волнением встречи с постоянно гонимым из воспоминаний прошлым.

Он не смотрел этот фильм уже больше года. Сначала потому, что был зол на неё, позднее потому, что вернулась жена, а потом просто, чтобы не раскачивать давно уплывшую лодку их отношений. Сожаление и липкое чувство чего-то безвозвратно утраченного поселилось в нём сразу после расставания с Настей и, спрятавшись в уединённых местах памяти, закрылось массивными замками сознания.

Однако сейчас происходило что-то невероятное, приказы не думать и не вспоминать о ней не подали своего грозного голоса, и он просто нажал на воспроизведение.

На веранде уже давно проданного им загородного дома за столом сидели друзья. Полупустые бутылки, остатки салатов, недоеденный шашлык – всё оживало в его памяти, открывая мельчайшие подробности того вечера...

Настя нервничала. Глеб увидел её пересохшие губы, слегка растерянное выражение лица и судорожное поглаживание ногтей.

– Да, – неожиданно для себя произнёс он вслух, – устроил я тебе испытание. Позвал кучу народу, музыкантов, даже своих стариков, и выставил тебя напоказ, как хрустальную вазу в Эрмитаже, забыв о том, что у тебя есть семья и муж. А ты, находясь в самой середине этого праздника, облизывала от волнения губы, отводила глаза в сторону и терпеливо выдерживала любопытные взгляды собравшихся посмотреть на тебя друзей.

Глеб нажал на паузу и провёл пальцами по монитору, мгновение застыло, проявляя в его сознании чувство огромного количества совершённых им глупостей и ошибок..

– Куда всё это уходит? – произнёс он, еле шевеля губами. – Где живут чувства? Почему в один период времени мы одни, а потом обстоятельства делают нас абсолютно другими? Я придумал тебя, воткнул вату в уши, нацепил шоры и пошёл в страну бутиков, дорогих побрякушек и ярких развлечений, даже не замечая, что именно это и стало разменной монетой наших отношений. – Он вздохнул и снова нажал на воспроизведение. После танцев все стали дружно собираться домой. Друзья, говоря «до свидания», целовали её, как старую знакомую и шутливо подмигивали, желая нам «спокойной» ночи. Они не знали, что застенчивая и растерянная Настя, так очаровавшая их своей скромностью, уедет следом за ними в свою другую жизнь и другой мир, наполненный заботами о маленьком сыне, страхами разоблачения супружеской неверности и не управляемому даже ей самой желанию покупать, получать и складывать в гардероб всё новые и новые вещи.

Фильм кончился. Экран монитора потух, компьютер перешёл в режим сна, а растроганная воспоминаниями душа звенела в его голове новыми мыслями. Ерзая на стуле и листая в старом телефоне смс сообщения, он приказал себе больше не прятаться от прошлого и прямо сейчас позвонить Алексею, понимая, что брат должен знать, что происходит в судьбе его Насти.

– Да, Михалыч... – Услышал он заспанный голос охранника. – Что стряслось? Четыре часа ночи...

– О, Лёш, ты прости меня... Я, знаешь, сначала решил тебе позвонить, а на часы посмотрел только потом. Но, если ты спишь, то давай поговорим завтра, – произнося эти слова, Глеб внутренне напрягся – в эту минуту он меньше всего желал, чтобы воспоминания о Насте прервались в самом апогее его внутреннего кипения.

– Что-то очень важное?

– Даже и не знаю, как тебе сказать... – выигрывал время Глеб, судорожно собирая в кучу свои эмоции, пытаясь окольно подойти к главному. – Понимаешь, сильно меня сегодня кольнула твоя проблема с женой. Хожу по дому, круги нарезаю и места себе не нахожу, а главное – как вспомню, что и сеструха твоя в прошлом году тоже была на грани развода из-за скандала

с любовником, так успокоиться не могу. Две такие хорошие семьи, дети... и вдруг – распадаются!

– Эх, и не говори даже! – голос Алексея зазвучал бодрее. – Моя шлендра только о гулянках и думает, Настюха тоже – звезда балета! За дорогие тряпки душу продаст. А вот мужики, Михалыч, разные бывают. Мы с тобой баб наших и на хер послать можем, и дверью хлопнуть, а у сеструхи – рыжий – тот совсем другой породы будет. Может, внутри у него и бомбы рвутся, но в жизни он даже ухом не повёл. Представляешь, вызвал её на разговор. «Вот, – говорит, – тебе порог... Но, если останешься, всё прощу и попрекать не буду». А Настюха дура, что ли?.. Море, заграница – пожалуйста, квартиру вторую купил, деньги по магазинам – без ограничений, катает её, как сыр в масле. Да вот, только, кажется мне, она снова хвостом крутит. Зачем-то закончила курсы эротического танца и мотается одна по ночным клубам. То ли опять мужика ищет, то ли от мужа бежит, фиг её разберёт. Глеб положил телефон на стол. Неожиданно он ощутил, что не хочет это слышать. Мысль что он ошибся когда-то, считая её своей женщиной, снова неприятно обожгла его сознание правдой.

– Михалыч, ты меня слышишь? Куда пропал? Эй!!

– Тут я, Лёш... Извини, у меня вторая линия. Давай, я тебе завтра утром перезвоню.

– А-а, давай, давай! – Услышал он голос охранника, отключая телефон.

Мужчина поднял глаза и посмотрел на окно – природа буйствовала, ветер бросал потоки воды на стекло, сотрясая раму.

– Что? – произнёс он, обращаясь к дождю, – решил смыть старое и плохое! Думаешь, это поможет? Считаешь, нужно выкинуть всё из головы и начать жить с чистого листа?

Глеб поднялся, подошёл к окну и посмотрел на бушующую за окном непогоду. Он почувствовал, как усталость, кольнув под лопаткой, съела последние силы.

Эмоции, которые всего несколько минут назад толкали его действовать, звонить и добиваться, трусливо уступили место пустоте. Мысли снова загнали воспоминания о Насе в дальние уголки памяти, отыскивали массивные замки на двери, а, закрыв их, выбросили ключи.

Часть 2

Босфор

Модный, сверкающий хромом и белым пластиком пятидесятифутовый катер летел по воде, оставляя за собой пенную полосу, взбитую спаренными винтами мощных дизелей.

На нижней палубе, укутавшись в пледы, за столом сидели три человека. В стаканах из-под виски медленно таяли остатки льда, легкий ветерок приятно ласкал прохладой, большие и красивые дома заковали берега в камень.

– Господа! – Из рубки вышел капитан, держа на подносе бутылку шампанского и фужеры. – По принятой морской традиции, проходя Босфор под мостом, связывающим Европу и Азию, нужно выпить шампанского. Прошу вас расценивать эту процедуру обязательной, а бутылку – моим личным подарком и знаком благодарности за выбор в этом путешествии именно моей яхты. – О, капитан! Моёт! Это именно то, что нужно, – освобождая середину стола от полупустых тарелок и апельсиновой кожуры, громко, с настроением произнесла Марина. – Шесть дней... Боже! – почти целую неделю мы неслись по волнам Чёрного моря, глотали таблетки от качки, пили виски и наконец-то мы в Турции. Глазам своим не верю! Давайте, мальчишки, встряхнитесь и скажите красивый тост... – Она взяла сидящего рядом с ней мужчину за руку и, посмотрев ему прямо в глаза, продолжила: – Ведь это же – воздух настоящей свободы!

– Да уж, с тюремным его точно не сравнить! – слегка улыбнувшись, хриплым голосом произнёс Сергей.

Капитан разлил шампанское по фужерам и поклоном головы простился с гостями, после чего вернулся обратно в рубку.

– Тост, говорите... – поднимаясь с кресла вместе с фужером, взял на себя инициативу Глеб. – Давайте выпьем за окончание нашего путешествия, скромно сказать, не очень простого, но виды Босфора – отличная награда для победителей.

Они соединили фужеры, звук хрусталя растаял в крике чаек, шуме города, принесённого морским бризом и грохоте идущих по проливу сухогрузов.

– Сережа! Ты помнишь, тебе сухого вина разрешили только маленький глоточек, – останавливая руку мужа, участливо произнесла Марина.

– Да мне и глоточка не хочется... Укачало и голова болит.

– Ничего, ничего, подлечим тебя, восстановим... Всё будет хорошо. Теперь... – Она снова посмотрела на мужа. – Мы справимся со всем.

Глеб видел – каждое слово, спрятанное за улыбку, давалось ей с большим трудом, видел переживания и заботу, которой Марина окружила мужа и немного завидовал. Отпивая шампанское маленькими глотками, он удивлялся своим мыслям – оказывается, остались женщины, готовые ради мужа на поступок. Шесть дней перехода измотали её больше всех, она не могла есть, плохо спала, а дневная качка клещами вытягивала из неё последние силы.

«Удивительно, – говорил он сам себе, – откуда она берёт энергию и находит улыбку! Зачем ей это нужно? Сидела бы в Англии – Мекке опальных олигархов – и доживала свой век, но вместо этого, еле живая, с дрожащими от усталости руками, лопнувшими от переутомления глазными сосудами, зашкаливающим давлением, едет с мужем в чужую страну и имеет только одну перспективу – менять отели, прятаться и бежать, не привыкая к одному месту проживания».

– Ты чего это загрустил? – обратилась к нему Марина. – Устал?

– Нет, просто думаю... По моим подсчётам... – Глеб посмотрел на часы. – ...До пристани отеля «Four Seasons» осталось минут десять. А там нас встречает Алексей, он поможет вам с багажом и размещением в отеле.

– Хорошо, только, Глеб, ты помнишь, я просила тебя даже случайно не называть наших настоящих имён и по возможности информировать твоих помощников только в рамках их конкретной работы и поручений.

– Я помню, – доставая телефон и набирая номер, спокойно ответил Глеб.

– Алексей!

– Да, Михалыч! Я уже вижу, как вы выгружаете. Стою у причала, номера забронированы, машина арендована.

– Молодец! – Глеб отключил мобильный и, поднявшись, пошёл в рубку капитана.

Марина оглянулась на мужа, погладила его холодные, обветренные пальцы и тихо произнесла:

– Не верю... Неужели – получилось?

– Получилось, – вздыхая, так же тихо повторил Сергей. – Но есть один момент, который меня постоянно беспокоит. Откуда взялся этот Глеб?

– Как – откуда? Ты сам мне его посоветовал, дал телефон, а сейчас спрашиваешь. У тебя что, есть какие-то сомнения? – Марина поправила на муже плед и придвинулась к нему поближе, продолжила говорить шёпотом: – Ты же сам писал мне, что Рома Разумовский знает его много лет. Они вместе живут на Кипре, а бизнес Глеба связан с контрабандой бриллиантов.

– Писал, – оглядываясь по сторонам, шёпотом ответил Сергей, – как раз это меня и смущает. Задумайся: человек много лет занимается алмазами. Что – сам по себе? Я уверен, без крыши в этом бизнесе существовать невозможно, тем более, опять же со слов Ромы, он попал в Африке в тюрьму. Как думаешь, кто его оттуда вытащил?

– Деньги! Что тут думать. Там всё покупается и продаётся на раз-два-три, или у тебя есть другие соображения по этому поводу?

– Сомнения у меня, сомнения... В голове навязчиво крутятся мысли, что Глеб если не федерал, то агент, работающий на ФСБ или военную разведку. Представь, если нам его подставили, как нашего проводника и организатора побега из России.

– Ты хочешь сказать, что сегодняшнее плавание организовали спецслужбы? – Марина от волнения налила себе фужер шампанского и залпом выпила, как воду.

– Не исключаю такой возможности. И потом, не стоит забывать, что нас ищут люди Морозова, им сейчас ой, как нужно, чтобы мы бесследно исчезли.

– Ну, это ты зря! Если бы Глеб был человеком министра, то давно бы отправил нас рыб кормить, а мы... – Она оглянулась – яхта левым бортом подходила к пристани отеля. – Ладно, всё, потом договорим, но знай – я твоих сомнений не разделяю.

– Подходим! – открывая дверь рубки, громко крикнул Глеб. – У вас вещи собраны?

– Да, с утра ещё, – ответили супруги хором, вставая с кресел.

Молодой матрос, выйдя на корму, бросил швартовые стоящему на причале человеку. Капитан, работая двигателем, по очереди включая то передний, то задний ход, выравнивал яхту; закреплённые на стенках пристани резиновые пузыри – кранцы, скрипнули, принимая на себя тяжесть бортов катера, швартовые натянулись, гася последнюю инерцию судна.

Когда закрепили трап и пассажиры вышли на берег, первое, что они сделали, тут же сели на деревянную скамеечку. Ноги, неделю не ходившие по твёрдой поверхности, отказывались стоять без пританцовывания и поиска равновесия, поэтому им пришлось взять несколько минут передышки и, медленно разминая мышцы, попробовать шагать снова.

Алексей появился неожиданно, словно возник из ниоткуда в чистом поле. Его красная бейсболка и чупа-чупс за щекой вызвали улыбку у Глеба, а у его спутников интерес. Слишком сильно пожимая руку Сергея, он ойкнул за него, понимая, что переборщил, обхватывая своими тисками руку человека, чьей профессией было банковское дело, и поэтому, исправляя предыдущее действие, он, здороваясь, поцеловал руку Марине. Потом Алексей громко позвал носильщиков, указал им на стоящие у трапа чемоданы и, довольный собственной расторопностью, закрутил козырёк бейсболки на затылок.

– Ну, что, вот теперь, кажется, мы действительно дошли до места назначения, – улыбаясь гримасам охранника и наступившей возможности идти по земле, произнёс Глеб. – Может, мы зайдём в ресторан и отметим это событие? Я, если честно, так соскучился по горячему... Очень хочется еврейского аспирина – куриного супчика с лапшой.

– Нет, Глеб, извини. – Марина взяла мужа под руку и устало улыбнулась. – Очень хочу спать. Мне эта проклятая качка нарушила весь жизненный ритм, поэтому сначала сон, а потом – куда скажите и чего захотите.

Сергей виновато улыбнулся и они, поддерживая друг друга, пошли следом за носильщиком.

– Я очень хочу большую тарелку аспирина, жареный кусок мяса и... – Охранник поднял глаза к потолку, пытаясь в своём сознании оживить картинку чего-то необычного вкусного и большого. – И... – повторил он снова.

– Пошли уже, – перебил его Глеб, – что ты тут фантазиями слюни гоняешь! Сейчас двенадцать часов дня, сто процентов везде шведский стол.

– Шведский с-т-о-л, – произнёс он, смакуя каждый звук. – Это же праздник живота! Слышишь? – Он открыл двери ресторана. – Как это звучит! Стамбул, пятизвёздочный отель и – шведский стол.

Алексей не обращая внимания на уже окруживших его официантов, не выбирая стола, сразу отправился смотреть, чем сегодня его будут баловать турецкие повара. Глеб, настроение и силы к которому стали возвращаться, как только он сделал несколько шагов по земле, взяв у официантов карту вин, выбрал стол в самом дальнем углу ресторана.

– Боже, чего ты сюда забился? Если бы эти турецкие паши с кисточками на шляпах не подсказали, не нашёл бы тебя, – ставя на стол две огромные тарелки, слоями наполненные салатами, мясом, рыбой, макаронами и рисом, в интонации игривого упрёка произнёс охранник.

– Во-первых, обжора, давай выберем хотя бы цвет вина.

– Красный! – подвигая к себе тарелку и уже не отрывая взгляда от еды, выпалил Алексей.

– Во-вторых, паша – это титул только высших военных или гражданских сановников, а в третьих, шляпа с кисточкой называется «феска», и красного вина я пить не хочу – и так давление скачет. Тебе всё равно, чем запивать, а мне очень хочется стаканчик холодного сухого вина.

– Феска, меска – какая разница! Вот нудный ты становишься с годами! Знания, которыми ты всегда щеголяешь, сделали тебя стариком. Ну, какая девушка будет терпеть такого сухаря, как ты, особенно – если формой вашего общения будет постоянное назидание. Иди лучше выбери себе вкусняшек, наешься до отвала и начни рассматривать прелести лежащих на пляже красавиц. Глядишь, сытый желудок и округлости местных девиц подскажут тебе, как прекрасна жизнь не в платоническом, а в эротическом выражении.

– Лешка, у тебя последнее время что не за здоровье, то точно за упокой. С чего это ты вдруг на меня наехал, да ещё под таким странным углом? Считаешь, мне пора найти себе женщину?

К столику подошёл официант, Глеб заказал ливанского вина, лоза которого несла свою историю от французских виноградников, и порцию домашней лапши на курином бульоне.

– Не знаю! Пустое сидение и ожидание делают меня злым и раздражительным, а отсутствие секса и узкие джинсы приносят моим органам боль. Девочек – полный отел, водки – хоть залейся, а ты шлешь мне смс не отвлекаться, быть сосредоточенным и внимательным, – тяжело вздыхая, произнёс охранник. – Может, хотя бы сегодня, в честь вашего прибытия, я смогу угостить коктейлем какую-нибудь малышку с пляжа?..

Глеб посмотрел в окно. На лежаках, прямо по самой бровке берега, лежали несколько молодых девиц, кокетливо демонстрирующих свои тела.

– Наши, – тут же прокомментировал его взгляд Алексей. – Уже два дня нежатся. Сегодня утром я видел, как они друг друга кремом мазали... Думал – молния на ширинке разойдётся.

– М-да, – многозначительно произнёс Глеб. – Хорошую я тебе работу нашёл, красивую. Но теперь послушай, как обстоят наши дела. Деньги на эти прелести нам ещё только предстоит заработать. Бардак начался в Москве... Я думал, силовики между собой договорятся, и мы спокойно, без придинок и досмотров отчалим по специальному коридору. Но всё провалилось и, как это обычно бывает, в самый последний момент. Украинский президент откусил немного от нашего, российского газа, отношения тут же натянулись, и вся операция встала, как осёл – на самой середине дороги.

– И что? – возвращаясь к еде, с интересом спросил Алексей.

– И ничего! Пришлось, как всегда, забыть о том, что планировали, и начать импровизировать. Пограничные визы в паспорта Сергея и Марины ставить в Москве, и сажать их на яхту в пяти километрах от берега.

– Не понял! А что, в судовом журнале капитан не написал фамилии идущих с ним пассажиров?

– Применили старый, проверенный ещё в Советском Союзе вариант. На яхту в Одесском порту зашёл я и подставная пара с такими же фамилиями, как в паспортах у наших олигархов. Пограничники и таможенники нас увидели, сличили фотки, досмотрели багаж и поставили свои штампы, а в море они поменялись – подставные ушли обратно на моторке, а Сергей и Марина зашли на судно...

Появившейся официант прервал их разговор, поставив перед Глебом тарелку куриного супа с ароматным дымком и мелко порезанным укропчиком, разбросанным по поверхности бульона.

– Ах-ах-ах, – качая от удовольствия головой, произнёс Глеб, – какие запахи! Лёш, ты можешь себе представить чувства человека, который неделю в пустыне без воды?

– Я это чувство испытываю каждый вечер, если пропускаю обед. Но ты давай не отвлекайся, рассказывай красиво, с картинками и по порядку.

– Поднялись они на борт, – продолжил Глеб, – расположились в каюте, а тут капитан получает радио сбавить ход для проверки перед пересечением морской границы Украины. Сам понимаешь, как нас это напрягло, но больше всех нервничали мои подопечные. А когда на яхту зашли два щекастых, с рыскающими глазами таможенника, Марина так явно стала краснеть и суетиться, что это не осталось без внимания. Бегло пройдя по каютам и ничего подозрительного не найдя, они стали задавать вопросы и прямо-таки клещами вытягивать из неё информацию. Допустить такое я не мог, и пришлось их застрелить!

– Что? – подняв голову, удивлённо произнёс охранник, не переставая жевать.

– Но, к сожалению, у меня ничего не получилось, таких пульей не убить, у них вместо бронежилетов пачки денег, – продолжил шутку Глеб. – Так что все мои пули отлетали от них, как от стенки горох. Стою, смотрю и вижу, как у них под черепной коробкой мысли копошатся. Все такие гаденькие, липкие и ужасно простые. Короче, выбрал я того, что постарше, и отозвал в сторону – для общения. Он моё подмигивание и жест воспринял, как выстрел стартового пистолета, вылетел на палубу и сразу перешёл к делу. «Давайте, – говорит, – колитесь: чего незаконного везёте? Мы же найдём! Сейчас тормознём вас часов на двенадцать, собачку подождём и аж до шпангоутов яхту вскроем. Я вижу – тётка нервничает, значит, что-то у вас, ребятки, нечисто».

– Во, гад, мордастый! – Алексей вытер салфеткой рот и отодвинул от себя пустую тарелку.

– «Вызывай, – говорю я ему, – ни наркоты, ни оружия у нас нет. Всё строго наоборот – люди настолько законопослушные, что даже маленькое нарушение заставляет их нервничать. Уже в море, когда они распаковывали свои чемоданы, вспомнили, что не задекларировали бриллиантовые украшения, и сейчас очень переживают, как ввезут их обратно». – «Якщо б ни мий дурень, так и я б смиявся, – ответил он мне на украинском и, тут же снова перейдя на русский, пояснил: – Мой напарник Микола веселит меня больше вашего, и такие сказки рассказывает, что верить хочется, аж зубы болят. Пятёрка евро, вот в эту шапочку... – Он снял головной убор, показывая глубину фуражки и лысину, старательно прикрытую прядью волос, – и везите ваши бриллианты, куда хотите».

– Что, вот так просто попросил денег за проезд? – Охранник выпрямился, в его глазах читалось недоверие.

– Попросил! – Глеб облизнул ложку, сожалея, что куриный суп закончился. – Лёша, ты меня удивляешь! Когда это человек, обременённый властью, что-то просит? Мы можем с тобой не понимать или просто не догадываться, но он-то сам точно знает, какая часть нашего кошелька принадлежит ему.

– Слушай, почему нам так долго не несут вина? – оглядываясь по сторонам, раздражённо произнёс охранник.

– Не знаю, – ответил Глеб, ловя себя на мысли, что впервые, рассказывая Алексею о своих приключениях, он не получает удовольствия от процесса, не испытывает состояния интриги и не хочет будоражить воображение охранника подбором красок повествования.

– Скучно! – подытожил его мысли охранник, приступая к опустошению второй тарелки «шведских» изысков.

Горячий суп, наступившее чувство сытости, отданные в дороге силы и ощущение, что он наконец-то может расслабиться, навалились на Глеба тяжестью непреодолимого желания рухнуть спать. Поэтому в тот момент, когда наконец-то принесли вино, он, не обращая внимания на налитый ему фужер и просьбу Алексея остаться, поднялся и пошёл к выходу из ресторана, так и не закончив своего рассказа. В дверях он на секундочку остановился, а, оглянувшись, улыбнулся – охранник всем своим естеством был там, за окном; его мимика и мысли, соединившись в одно целое, обнажали загоравших девушек, наполняя пульс сердца ритмом желания.

В номере было тихо. Панорамные окна открывали чудесный вид на постоянно движущийся мир идущих по Босфору кораблей.

Глеб, откинув покрывало, сел на кровать. Нужно было раздеться, но усталость согнула спину и опустила плечи. Всё кружилось и качалось, под лопатками нудно покалывало, отёкшие ступни ног, наконец-то избавившись от ботинок, гудели.

Почувствовав, что сил на раздевания у него нет, он завалился на правый бок, поджал ноги, как в детстве и, натягивая на себя покрывало..., услышал настойчивый стук в дверь.

Сознание отказывалось понимать и реагировать на шум, продолжая разрешать телу засыпать, но крики и мощные удары в дверь, раздражая, дёргали натянутые усталостью нервы.

– Какого чёрта!! – открывая дверь, выругался Глеб, принимая в объятия Михаила.

– Дрыхнуть собрался? Так вот – нет тебе! Наши подопечные с чемоданами ушли через запасной выход. На улице их ждало такси; хорошо, удалось поймать частника и проехать за ними.

– Как уехали? С какими чемоданами? – отгоняя сон и уже понимая смысл сказанных Михаилом слов, задавал он вопросы, ответы на которые были очевидны.

– Видишь, я был прав, когда говорил, что их нельзя ни на минуту терять из вида.

– Так-так-так... – Глеб, нервно потирая ладони, стал кругами ходить по номеру. – Куда, говоришь, они поехали?

– В Редиссон, сняли себе номер триста два, кстати! – Михаил поднял указательный палец вверх, жестом подчёркивая важность произносимых им слов. – Предъявили паспорта на фамилию Шнайдер.

– Откуда ты знаешь?

– Да я рядом с ними стоял, когда они регистрировались. Всё видел и слышал. Паспорта австрийские, они – туристы, прилетевшие полюбоваться видами Стамбула. Сами еле на ногах стоят от усталости, у неё один глаз весь кровавой – похоже, сосуды лопнули, по-немецки говорят плохо, но удивительно другое – когда турок листал их документы, то там стояли визы, как будто они только что прилетели.

– Ты и это видел?

– А что там видеть! Крупная, жёлтая с зелёными разводами марка, погашенная на въезде красной печатью. У меня у самого такая вклеена.

– Твою бабочку...! – Глеб перестал ходить и сел в кресло напротив Михаила. – Ну, и что мы теперь будем делать?

– Не знаю. Ты думай, я поехал заселяться в Редиссон, так мне удобнее будет за ними наблюдать.

– Правильно. Иди. – Глеб провёл рукой по лицу, словно хотел что-то стереть с него, остановился на месте, где когда-то были усы и, привычно теребя верхнюю губу, погрузился в раздумья.

Михаил, захватив из своего номера только туалетные принадлежности, вскоре уже ехал в такси по дороге в Редиссон.

Для него было очевидно – кто-то третий, более доверенный и осведомлённый, вступил в игру на этапе, когда олигарх и его жена попали в Стамбул.

«Правильно говорил Михалыч, – рассуждал он про себя, – плана у нас никакого нет и, похоже, не предвидится. Сплошной экспромт. Сейчас понятно – Сергей, или теперь господин Шнайдер, готовился и не доверял Глебу с самого начала... Нет, наверное, всё-таки доверял, но – только организацию своего побега из России; а вот дальнейший уход он поручил кому-то более близкому». – Мысли его работали, как хорошо отлаженный механизм, рассуждения придавали уверенности, вырисовывая ниточку, за которую можно было потянуть.

Такси остановилось у главного входа, швейцар открыл дверь автомобиля, Михаил вышел, оставляя в его ладони пять долларов.

Взяв себе номер подешевле, с окнами во внутренний двор, он, понимая, что его подопечные спят, устав после морского плавания, решил прогуляться по отелю с целью изучения

баров, ресторанов и холлов на предмет поиска в них укромных мест для наблюдения. Отмерив шагами коридоры, выяснив расположение лифтов и запасных выходов, Михаил, довольный своими действиями и в хорошем настроении, проходя мимо бара, поймал на себе острый взгляд брюнетки мальчишеского вида с фужером «Маргариты» в руках.

И, как это часто бывало в жизни, ноги сами повернули в её сторону, даже не поинтересовавшись, что думает по этому поводу голова.

– Русская? – спросил он, подходя к девушке.

– А вам какое дело! – ответила она спокойно, глядя прямо Михаилу в глаза.

– Понравилась, – неожиданно для себя выпалил он, усаживаясь рядом с ней.

– И что теперь, спасибо тебе сказать?

– Извини! Я как-то грубовато начал. Меня Никитой зовут, – назвал он первое, пришедшее на ум, имя, – приехал немного встряхнуться, отвлечься. А ничего не получается. С девушкой расстался и никак не могу её из головы выкинуть.

– Во здорово! – Она хмыкнула и удивлённо качнула головой. – И ты решил выбрать меня в качестве утешителя или в качестве развлекателя!

Михаил вздохнул, медленно провёл рукой по затылку, подбирая нужные слова. Ощущение, что сморозил глупость, завернув в бар, крепло в нём с каждой секундой.

– Ладно... – Он поднялся. – Извини ещё раз. Просто, хотел с кем-нибудь поговорить.

Она не успела ответить – их разговор прервал бармен, протягивая незнакомке подписать чек за выпитый коктейль; в верхней части чека было крупно выведена цифра «302»... В этот момент ладоши удачи так громко и звонко хлопнули в голове Михаила, что сначала улыбка, а потом и смехок непроизвольно вырвались наружу.

– Что? – удивлённо произнесла она. – Самому от своих глупых слов смешно стало?

Михаил согласно кивнул головой, но в этот момент внутри него подпрыгнул чертёнок, и он зажал себе рот рукой, пытаясь сдержать рвущийся наружу смех.

– Слушай, ты точно ненормальный! – сказала она, улыбаясь. – Пожалуй, я пойду, а то ещё целоваться кинешься.

Не имея возможности говорить и с трудом переводя дыхание, он несколько раз махнул ей рукой, жестами показывая, что прощается, но, как только она встала, приступ смеха навалился на него с такой силой, что слёзы потоком побежали по щекам.

Когда незнакомка ушла, Михаил сделал несколько глубоких вдохов и медленных выдохов, восстанавливая свой нормальный вид и самочувствие.

Поднявшись в номер, он, не обращая внимания на то, что с момента расставания с Глебом прошло всего два часа, и тот вполне мог ещё спать, набрал его мобильный номер.

– Да, говори!

– Михалыч, сейчас мы с госпожой Удачей хохотали в голос! Представляешь, я нашёл того, кто им помогает. Это молодая женщина, брюнетка, около тридцати лет, хорошего сложения, острого ума и обладательница обалденно красивых кошачьих глаз.

– Миша! Какие глаза! Лучше скажи, как ты на неё вышел.

– В баре увидел. Когда она подписывала счёт за выпивку, на чеке стоял триста второй номер.

– То есть, ты хочешь сказать, что девушка их родственник? Может, это дочь?

– Нет, это ты далеко в рассуждениях шагнул. Дочь?.. – Михаил замолчал. Он мысленно сравнивал лицо незнакомки с фотографиями Сергея и Марины. – Хотя... похоже, очень похоже. И я надеюсь, мы скоро узнаем это наверняка. Теперь у меня есть «конь», а вернее – его ход. До того, как перед моими глазами мелькнул чек, я подсел к ней в баре поболтать, и сейчас могу смело продолжить линию поисков знакомства, по крайней мере, это будет выглядеть очень логично – девчонка действительно симпатичная.

– Боже, что с вами творится! Лёшку еда уже не радует, шею свернул, на девок глядячи, ты – в баре флиртуешь. Почему вас так тянет на любовные интрижки во время работы?

– Михалыч, святого не трогай! А потом, я же не замуж её зову, попою пару раз кофе, расскажу что-нибудь интересное о жизни, и заодно узнаю о планах семьи на дальнейшее.

– Ладно, шучу я. Чем ближе подойдёшь, тем лучше; а сможешь в доверие войти, пойдёшь вместо меня главным лицом всей операции. Понял?

– Буду стараться! – произнёс Михаил, отключая телефон и чувствуя, как волна чего-то нового, необъяснимо большого, накрывает его сознание звенящими нотами радости.

Михаил глубоко вздохнул и почувствовал, как воздух неожиданно стал сладким и пьянящим, кровь потоками энергии, играя эластичностью сосудов, устремилась к голове, открывая сознанию дорогу к блаженству.

«Вот, вот! – кричали его мысли, когда он, давая набежавшей энергии выход, стал отжиматься от пола. – Я опять в деле, в обойме, а, может, как обещает Глеб, и в самой его середине!»

Трицепсы, работающие, как стальные пружины, наливаясь тяжестью нагрузки задрожали, когда он, перейдя на громкий счет, дошёл до ста.

Поднявшись с пола, он снял рубашку и, подойдя к зеркалу, стал рассматривать себя.

Тело горело, пот, пробив лоб, стекал по лицу и шее, мышцы, словно каменные глыбы, надувшись от напряжения, проявили рельеф и объёмную мужскую красоту.

– Отлично! – произнёс он вслух. – Ударил нагрузкой по организму, теперь в душ и – на пост в вестибюль. Кто их знает, сейчас проспят и дальше куда-нибудь рванут... – Он потрогал свои бицепсы, вдохом надул грудную клетку, подмигнул своему отражению и пошёл в ванную.

Глеб, после разговора с Михаилом бросив телефон на кровать, принялся нарезать круги по своему номеру, всё больше и больше склоняясь в своих размышлениях в пользу того, что вся операция медленно, но верно идёт ко дну. В Москве федералы, готовящие его вхождение в бизнес Сергея, планировали несколько направлений и сценариев, по которым могли развиваться события, но то, что на горизонте появятся новые документы и дочь, пропавшая из поля их зрения где-то в Латинской Америке, не укладывалось ни в какие рамки. И, чем больше он анализировал и раскладывал варианты, тем сильнее в его голове пробивала себе дорогу только одна мысль – нужен спектакль под названием «блеф». Поэтому, ещё не отдавая своим действиям отчёта, но, уже понимая, что время работает против него, он набрал номер Михаила. Телефон сначала долго не отвечал, но, когда терпение, пробежав по нервам, подходило к стадии кипения, линия наконец-то соединилась.

– Ворток, ну, где тебя носит? – выкрикнул он в трубку.

– Душ принимал. А что случилось?!

– Хочу тебя остановить, да и вообще всё сломать. Слушай меня внимательно и не перебивай. Если это их дочь, – а она вполне подходит под твоё описание, то извини – твой белорусский опыт с Марго тут не поможет. У неё два высших образования, шикарное знание языков и отличный математический склад ума. Если предположить, что после ареста отца именно она взяла на себя руководство компаниями и иностранными филиалами банков, то, во-первых, она вряд ли сюда приехала одна, во-вторых, её мысли сейчас заняты только спасением отца и денег. Да и потом, если честно, ты, Миша, всем своим видом – в костюме ли, в рубашке – очень похож на оперативника, а про суровое выражение лица и говорить не приходится... Но именно этим мы и воспользуемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.